

РЕФОРМА КОРПОРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В РОССИИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Алексей Кирсанов*

В статье рассматриваются вопросы продолжающейся реформы корпоративного права и различных проблем, возникающих в процессе ее осуществления.

Как нам известно, не нуждается в доказывании тот факт, что плановая экономика СССР на протяжении 70 лет сохраняла в забвении классические институты гражданского права: право собственности, договор, традиционное юридическое лицо. Коммунистическая и социалистическая идеология, возвышавшаяся над законодательным фундаментом СССР и преобладавшая по значимости, сделала непригодными эти институты гражданского права для использования в условиях огосударствления собственности, отсутствия конкуренции и планового ведения социалистического хозяйства, а также полного отсутствия возможностей для проявления предпринимательской инициативы и ведения предпринимательской деятельности. «В плановой экономике объективно господствовали юридические лица унитарного типа - предприятия и учреждения, основанные на государственной собственности. Подобно тому, как национализация земли привела к неизбежному законодательному отказу от понятий недвижимости и вещного права (постепенно сведя последнее к праву собственности), национализация имущества производственного назначения столь же неизбежно привела к появлению государственных предприятий в качестве самостоятельных юридических лиц - субъектов, а не объектов права (каковыми они являются в нормальных, рыночных условиях). Их последующее господство обусловило исчезновение основных видов корпо-

раций (хозяйственных обществ и товариществ) и соответствующих им институтов корпоративного права, которое в конце концов было сведено к попыткам создания очередной правовой отрасли - кооперативного права» [2].

В этой связи, неслучайно и вполне справедливо, Е.А. Суханов отмечает: «Дело в том, что в советское время корпорации были представлены лишь кооперативами - производственными (колхозами, низовыми звеньями потребкооперации, артелями старателей) и потребительскими (жилищными, дачными, гаражными, садоводческими товариществами и т.п.), а также общественными организациями (объединениями) граждан - профессиональными и творческими союзами, объединениями (обществами) по интересам и т.п. При этом они не играли сколько-нибудь значительной экономической роли, если не учитывать деятельность сельскохозяйственных производственных кооперативов - колхозов. Их статус в то время теоретически составлял предмет особой отрасли права - колхозного права, а экономически был во многом аналогичен статусу государственных предприятий (что и послужило в начале 90-х годов прошлого века основанием для юридически абсурдной приватизации их имущества путем их преобразования в хозяйственные общества)» [6].

Постулаты коммунистической идеологии К.Маркса, Ф. Энгельса, В. Ульянова (Ленина), отрицавшие классические институты

* Кирсанов Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского университета дружбы народов

гражданского права вообще и корпоративного права в частности, со временем стали нуждаться в правовом обосновании и закреплении. Гражданское право как экономико-социальное явление, пусть и на вторых ролях по сравнению с идеологической платформой, все же продолжало существовать и, что примечательно, развиваться в весьма специфическом направлении. Применительно к коллективным организационно-правовым моделям хозяйственной деятельности производились доктринальные исследования внутриорганизационных отношений различных видов кооперативов. «Эти отношения уже тогда единодушно признавались гражданско-правовыми отношениями членства, которые состояли из членско-организационных (неимущественных), членско-паевых (имущественных) и членско-жилищных правоотношений (по использованию кооперативного имущества членами кооператива)» [6].

Значительные различия как в правовой природе исследуемых моделей советского периода, так и в его понятийном аппарате, не позволяют, на наш взгляд проводить содержательные аналогии и параллели с западноевропейским гражданским правом. Изменения общественно-экономической формации, произошедшие в начале 90-х годов, изменили вектор как научных исследований, так и правоприменительной практики. Хотя отголоски советского прошлого до сих пор сохраняются в действующем гражданском праве России, особенно в вещном, где, как мы упоминали в начале нашего исследования, до сих пор сохраняются права оперативного управления и хозяйственного ведения (последнее, кстати, все-таки перестало существовать с 1 сентября 2014 года).

Наше обращение и сравнительное исследование западноевропейского опыта как в его наднациональной составляющей, так и гражданского права отдельных юрисдикций государств-членов ЕС неслучайно. Сам факт построения системы современного гражданского права России по образцу романо-германской правовой семьи, заимствование значительного количества гражданско-правовых институтов из немецкого гражданского и торгового права, позволяет говорить о значительной схожести сложившегося на сегодняшний день корпоративного права России и ЕС. Интересно, что изменить этот расклад не смогла и волна «лихих» 90-х годов, когда фактически были скопированы в отечественное

законодательство американские законы о корпорациях и названы акционерным правом России. А принятие в 1998 году ФЗ «Об ООО», стало, на наш взгляд, точкой отсчета временного периода, с истечением которого, наконец-то будут исправлены многие концептуальные ошибки, наиболее очевидная из которых проявлялась в виде одновременного сосуществования практически идентичных по своей правовой природе организационно-правовых форм: ЗАО и ООО. Два различия между этими двумя организационно-правовыми формами, настолько важных, чтобы их можно было назвать юридически значимым, заключались в следующем. Во-первых, для участников ООО, в отличие от ЗАО, законодательно было закреплено право на выход из состава участников общества и связанное с этим право требования возврата соответствующей доли участия в капитале общества и пропорциональной части чистых активов. А, во-вторых, для ЗАО обязательным и единственным учредительным документом являлся устав общества, в то время как ООО должно было иметь как устав, так и учредительный договор. Неясность разницы правовой значимости устава и учредительного договора могла существенно влиять на предпринимательскую деятельность общества, иногда вплоть до ее полного паралича. Если мы вспомним, то отечественное ООО создавалось по аналогии с классическим образцом общества с ограниченной ответственностью в Германии, которое единственным своим учредительным документом имело только устав. Так вот исходя из этого, наличие двух учредительных документов, вносило определенную путаницу в хозяйственной деятельности ООО вплоть до момента, пока отечественный законодатель не привел правовой статус российского ООО в соответствие с классическим германским образцом и не исключил учредительный договор из числа учредительных документов в 2008 году [4].

Изначальная принадлежность современного российского ГК к семье континентального права, постоянная, пусть и не всегда последовательная рецепция гражданско-правовых институтов и механизмов из отдельных национальных правовых порядков государств-членов ЕС, в первую очередь ФРГ и Франции, а также целый ряд других обстоятельств, сформировали весьма схожие очертания российского корпоративного права с корпоративным правом отдельных национальных правовых порядков

в ЕС, включающих в себя ярких представителей англо-американской правовой семьи. Это обстоятельство полностью отвечает современной тенденции развития корпоративного права, что отмечает авторитетный известный цивилист Е.А. Суханов, являясь руководителем рабочей группы от Совета по кодификации по разработке Концепции законодательства о юридических лицах: «возвращение на традиционные пути законодательного развития, включая и сферу корпоративных отношений, должно осуществляться, прежде всего, с учетом опыта высокоразвитых европейских континентальных правовых порядков, а не достаточно чужеродного (хотя и активно навязываемого, в том числе со стороны авторитетных институтов публичной власти) опыта англо-американского права» [6].

В то же время, историко-культурные и экономические особенности жизнедеятельности нашего государства, выделили и своеобразные его особенности, присущие только нашему правовому режиму коллективных форм предпринимательской деятельности. Так, например, несмотря на принадлежность нашего гражданского права к континентальной семье права, обращает на себя внимание отсутствие в России дуализма частного права, что свойственно, как известно, англо-американской правовой системе. В этой связи И.С. Шиткина отмечает, «что совмещение систем континентального и англосаксонского права - характерное явление для большинства зарубежных правовых порядков: законодательство стран традиционно континентального права воспринимает отдельные модели общего права (например, большую степень свободы договорного регулирования в акционерных соглашениях, а страны англосаксонского права в регулировании корпоративных отношений обращаются к законодательным актам (например, Закон о компаниях Великобритании 2006 года). Представляется, что мировая интеграция, создание транснациональных корпораций служат базой для взаимопроникновения континентальной и англосаксонской систем и с годами различие между ними будет нивелироваться» [7].

Таким образом, будущий «проект изменений ГК, по словам министра юстиции А. Коновалова, сочетает «элементы из обеих моделей регулирования». Он полагает, что, «пока невозможно радикально перейти на регулирование по англосаксонской модели, поскольку пришлось бы переписывать все законодательство». ...В итоге в ходе со-

гласования непримиримых позиций разработчиков было решено, что внедрение в российское законодательство еще больших элементов англосаксонского права будет сделано позже» [1].

Конечно, было бы весьма продуктивно использовать положительный опыт национальных юрисдикций из разнотипных правовых порядков в реформе гражданского права России вообще и корпоративного права, в частности. Однако, как мы уже не раз отмечали, в процессе реформы корпоративного права нельзя увлечься настолько, чтобы сломать сложившиеся в нашем государстве собственные правовые традиции, принеся их в жертву процессу реформ. Не следует искать «за морями» то, что, возможно, уже имеется у нас и нужно только внимательно посмотреть и проанализировать. К сожалению, современная история корпоративного права России, богата на такие примеры.

Несмотря на сравнительно молодой возраст современного российского корпоративного права, у него сформировались очевидные национальные особенности, свойственные именно российскому правовому порядку. И это произошло за очень небольшой период времени – с даты принятия действующего на сегодняшний день Гражданского Кодекса РФ в 1994 году до настоящего времени. Дискуссия о том, насколько глубоко мы «увязли» в стремлении использовать «передовой опыт англо-саксонской системы права», все-таки, по нашему глубокому убеждению, пока еще не имеет под собой солидной основы. Анализ наднационального корпоративного права ЕС и корпоративного права отдельных национальных юрисдикций, принадлежащих ЕС, вполне наглядно показывает, что российское корпоративное право находится в «русле» европейского, хотя и приобрело специфические национальные особенности.

Наличие особенностей современного корпоративного права, как нам представляется, напрямую сопряжено с историческими особенностями экономико-политического развития нашего государства.

Обращение именно к современному корпоративному праву России предполагает, что анализ его специфики должен быть произведен исходя из положений действующего ГК РФ 1994 года, с учетом внесенных в соответствии с Концепцией развития гражданского законодательства РФ изменений. Однако – это не совсем было бы верно и справедливо по отношению к отечествен-

ным моделям организационно-правовых форм предпринимательской деятельности. Мы уже указывали на отсутствие дуализма частного права в России. В связи с этим, можно констатировать, что в отличие от европейских моделей, действующее гражданское право РФ признает товарищества как полные, так и коммандитные в качестве правосубъектных организаций. Между тем, эта особенность в отечественной научной литературе подвергается определенным сомнениям.

Так, например, И.С. Шиткина считает, что «если единственным критерием отнесения к числу корпораций считать участие или членство в ней, то хозяйственные товарищества (полное и коммандитное), безусловно, следует отнести к числу корпораций. Если же считать обязательным признаком корпорации также организационное единство, выражающееся в наличии в нем органов управления, то отнесение к числу корпораций хозяйственных товариществ является проблематичным.

Так, П.В. Степанов полагает, что корпорацией может считаться организация, основанная на началах участия (членства), имеющая особую структуру органов управления, которую составляют волеобразующие и волеизъявляющие органы корпорации. Исходя из предложенного определения, указанный автор не признает за полными и коммандитными товариществами статуса корпорации, поскольку их органами выступают сами товарищи. По его мнению, полные и коммандитные товарищества являются переходной формой от простого товарищества к корпорации. Имеются позиции и других авторов, не относящих товарищества, для которых характерно доминирование личного начала, к числу корпораций. Подвергая анализу точку зрения П.В. Степанова, Н.В. Козлова, напротив, полагает, что в товариществе имеется общее собрание как высший орган управления, поскольку каждый участник товарищества имеет один голос, если учредительным договором не предусмотрен иной порядок определения количества голосов его участников (п. 2 ст. 71 ГК РФ). Единственной спецификой полного товарищества в сравнении с другими корпорациями, по мнению Н.В. Козловой, является отсутствие единоличного исполнительного органа, поскольку каждый товарищ вправе действовать от имени товарищества, если иное не предусмотрено учредительным договором (п. 1 ст. 72 ГК РФ)» [3].

Между тем, реформа части первой Гражданского кодекса, опубликованная в Проекте по решению Президиума Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 8 ноября 2010 г. все же оставила хозяйственные товарищества в числе корпоративных моделей организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в РФ [5]. Обращает на себя внимание тот факт, что проводимая реформа гражданского права РФ, несмотря на европейский вектор развития, не изменила подхода к хозяйственным товариществам, оставив их в числе корпоративных моделей организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в РФ. В то время как в европейских правовых системах, как мы уже отмечали, товарищества, будучи объединениями лиц, признаются субъектами торгового права с определенными ограничениями. Такая же позиция по отношению к объединениям лиц прослеживается и в англо-саксонской системе права.

Отдавая должное отечественному законодателью, отметим: сохранение товариществ в числе корпоративных моделей организационно-правовых форм предпринимательской деятельности в РФ является прямым следствием историко-правовой традиции российского гражданского права. Так, российское гражданское право дореволюционного периода, также не зная разделения на гражданское и торговое, относило товарищества к числу субъектов гражданского права, когда в нем сохранялась возможность для участников самостоятельно определять систему управления, а также нести солидарную имущественную ответственность по обязательствам товарищества. Эта же тенденция на признание товариществ самостоятельными участниками гражданских отношений сохранилась и в положениях ГК РСФСР 1922 года.

Авторитетные отечественные исследователи полагают, что признание товариществ в качестве полноправных правосубъектных моделей является несомненным достоинством российского гражданского права. В частности, Е.А. Суханов отмечает: «Однако данное обстоятельство способствует большей ясности российского правового регулирования, которому неизвестны никакие квазиправовые лица. Оно также снимает традиционную для европейского корпоративного права проблему разграничения объединений лиц (обычно субъектов

торгового права) и полностью неправосубъектных товариществ гражданского права (простых товариществ), со статусом которых к тому же практически полностью совпадает статус негласных товариществ и статус незарегистрированных союзов.

Следует также отметить, что Гражданский кодекс 1922 г. объединял все корпоративные юридические лица, включая акционерные общества (паевые товарищества), общества с ограниченной ответственностью и кооперативы, в единую категорию товариществ (подобно тому, как в европейском праве все они, включая простые товарищества гражданского права, именуются обществами - *Gesellschaften* или *societas*). Гражданский кодекс 1994 г. усилил разделение коммерческих корпораций, установив различия в статусе хозяйственных обществ - объединений капиталов и хозяйственных товариществ - объединений лиц, однако и те и другие по-прежнему признаются полностью правосубъектными юридическими лицами с общей правоспособностью» [6].

Однако не все исследователи считают, что для российского гражданского права однозначно решена проблема квазигирических лиц. В этой связи Н.В. Козлова указывает: «С точки зрения современного российского права проблематично определить характер устава образовательного учреждения, которое создается публичной властью, тогда как его устав утверждается высшим коллегиальным органом самого образовательного учреждения.

Рассмотрим, например, действующий устав Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Как известно, Московский университет был создан по Указу Императрицы Елизаветы Петровны 25 (12) января 1755 г. Согласно нормам ст.48, 50, 120, 296, 298 ГК РФ он является государственным учреждением, имущество которого находится в собственности Российской Федерации и передано университету на праве оперативного управления. Кроме того, Указом Президента РФ от 24 января 1992 г. № 48 (в редакции от 24 декабря 1996 г.) университету был предоставлен статус «самоуправляемого государственного высшего учебного заведения». Между тем устав

МГУ не утверждался ни учредителем, ни актом компетентного государственного органа, действующего от имени учредителя - публичного образования, как большинство уставов государственных учреждений, а был принят на конференции трудового коллектива самого университета (совет Ученых советов МГУ) 2 ноября 1998 г. и зарегистрирован Московской регистрационной палатой 30 декабря 1998 г.

Юридические лица, подобные МГУ им. М.В. Ломоносова, зарубежная правовая доктрина считает квазипубличными. Они рассматриваются как юридические лица частного права, но вместе с тем в определенной сфере наделяются рядом публичных полномочий: правом принимать административно-правовые акты и совершать необходимые действия. К ним относятся частные образовательные учреждения (университеты, школы и др.); частные банки; юридические лица, профессионально осуществляющие надзор и контроль, проводящие экспертизы и проч.

Действующее российское законодательство не знает категории квазипубличного юридического лица. Поэтому с учетом ст.3 ГК РФ представляется, что в случаях, когда устав утверждается органом управления юридического лица (как правило, коллегиальным), его также следует квалифицировать в качестве корпоративной сделки самого юридического лица. Однако в случае делегирования такому юридическому лицу в сфере его компетенции некоторых правомочий публичного характера его устав будет рассматриваться как своего рода подзаконный (ведомственный) нормативный акт (п.7 ст.3 ГК РФ).

Инвестиционная привлекательность российской экономики определяется способностью отечественного законодателя сохранять традиционную преемственность в процессе эволюции принципов гражданского и корпоративного права. Попытки навязать отечественному гражданскому и корпоративному праву несвойственные ему элементы или целые институты чреват масштабными потрясениями как в правовой, так и напрямую с ней связанной - экономической сферах.

Литература:

1. Граник И., Бутрин Д. Гражданский кодекс пришел по-английски // Журнал Коммерсант. 2012. № 58 (4843).

2. Кооперативное право: понятие и становление: круглый стол участников Всесоюзного совещания заведующих кафедрами юридических дисциплин // Вестник Московского университета. Сер. «Право». 1989. № 3.
3. Корпоративное право: учебный курс / отв. ред. И.С. Шиткина; предисл. Е.П. Губина // СПС «Гарант».
4. Собрание законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 20.
5. Сообщение Высшего Арбитражного Суда РФ от 7 февраля 2012 г. о Проекте федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // <http://www.arbitr.ru/>
6. Суханов Е.А. Очерк сравнительного корпоративного права: проблемы развития частного права. М., 2011.
7. Шиткина И.С. Вопросы корпоративного права в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ» // СПС «Гарант».

THE REFORM OF THE CORPORATE MODELS IN RUSSIA: THE DOCTRINAL AND LEGISLATIVE FEATURES.

The article is focused on the on-going reform of corporate law and on various issues that accompany this process.

Alexey Kirsanov,
Candidate of Science (Law), Associate
Professor, Head of the Department of the
Land and Environmental Law, the Peoples'
Friendship University of Russia

Ключевые слова:

хозяйственные общества, ООО, ЗАО,
корпорация, реформа корпоративного
права.

Keywords:

company's law, private company,
corporation, company's law reform.

References:

1. Granik I., Butrin D. Grazhdanskij kodeks prishel po-anglijski [Civil Code came in English] // Zhurnal Kommersant [Kommersant magazine]. 2012. № 58 (4843).
2. Kooperativnoe pravo: ponjatie i stanovlenie: kruglyj stol uchastnikov Vsesojuznogo soveshhanija zavedujushhih kafedrami juridicheskikh disciplin [Cooperative law: the concept and formation: a round board meeting of the All-Union members heads of the departments of legal disciplines] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. «Pravo». [Bulletin of the Moscow University. Series. Law]. 1989. № 3.
3. Korporativnoe pravo: uchebnyj kurs [Corporate law: training course] / отв. ред. И.С. Шиткина; предисл. Е.П. Губина [responsible editor. Shitkina I.S.; foreword. Gubin E.P.] // СПС «GARANT».
4. Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of the Russian Federation legislation]. 2009. № 1. Art. 20.
5. Soobshhenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 7 fevralja 2012 g. o Proekte federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v chasti pervuju, vtoruju, tret'ju i chetvertuju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii, a takzhe v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of February 7, 2012 on the draft federal act «On Amendments to the first, second, third and fourth part of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation»] // <http://www.arbitr.ru/>
6. Sukhanov E.A. Oчерк sravnitel'nogo korporativnogo prava: problemy razvitija chasnogo prava [Essay of the comparative corporate law: problems of private law development]. М., 2011.
7. Shitkina I.S. Voprosy korporativnogo prava v proekte Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij kodeks RF» [Corporate law issues on the Federal Act draft «On Amendments to the Civil Code of the Russian Federation»] // СПС «GARANT».